

Д.А. Ольдерогге

НАБРОСКИ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ¹

*Дмитрий Алексеевич
Ольдерогге, член-корреспондент
АН СССР и нескольких зарубежных
академий, признанный глава
отечественной африканистики.
Принимал активное участие
в жизни коллектива Института
в тяжелые годы блокады.
Награжден орденом Трудового
Красного Знамени и медалью
«За оборону Ленинграда».*

Утром 22 июня радио оповестило об агрессии и вторжении в нашу страну фашистских войск Германии. К 8—9 часам все сотрудники явились на свои рабочие места. В Институте установили круглосуточные дежурства, определили дежурные посты в разных концах здания, а также в помещении фондов, находящихся в здании АН СССР, — во втором этаже по всей линии Таможенного переулка, во флигеле, стоящем напротив Института этнографии...

Еще до войны сотрудники Музея антропологии и этнографии должны были составить списки особо ценных коллекций, которые в случае опасности требовали специального хранения. Для этих коллекций, отнесенных к группе уникальных собраний, еще до войны заготавливались специальные ящики, которых не хватало. В первые же дни войны ящики с ценными предметами поставили в нижний подвальный этаж здания, где своды очень надежны.

Затем началась разборка экспозиций и укладка вещей в ящики, которые тут же изготовлялись. Основная масса упакованных коллекций была перенесена и уложена в подвалах. Работа осложнялась тем, что многие сотрудники ушли на фронт, в том числе и заведовавший фондами И.Я.Треногов. Объем работ был ве-

¹ Сюда вошли материалы из Справки о деятельности коллектива Института этнографии АН СССР в дни войны, представленной Ученому секретарю 15 марта 1985 года, а также отрывки из личной переписки Д.А. Ольдерогге 1994 года. — Ред.

лик — сюда входила и очистка помещений фондов, главным образом чердаков, где накопилось немало всевозможных вещей — безномерные черепа, кости, части археологических предметов, запасы хозяйки и т.п. Часть этих безномерных предметов мы зарыли в большую яму, вырытую около ворот, ведущих в Архив АН СССР (между нашим и Зоологическим музеем). Надо об этом помнить, чтобы будущие археологи не удивились обилию и разнообразию черепов в одном «погребении».

В первые месяцы войны мы еще ограничивались приведением в порядок коллекций и дежурствами. Затем после участвовавших налетов и бомбежек пересмотрели весь наш внутренний распорядок. Прежде всего, открыли все двери, даже заколоченные. Так, дверь в библиотеку, которую закрывали ежедневно после окончания всех работ, пришлось держать постоянно открытой, чтобы обеспечить свободный проход дежурной охраны здания.

В июле 1941 года группа сотрудников Института была направлена на оборонные работы на станцию Радофинниково, где предстояло рыть траншеи. Со мной в группе были Э.В. Зиберт, Г.И. Петров, Н.И. Шадрина, в другой группе — Т.Л. Юзепчук, кто еще не помню. Там мы прожили неделю, как вдруг ночью прискакал вестовой с сообщением, что немцы прорвали оборону, обошли наши части. Всем военнообязанным нужно было возвратиться в Ленинград в свои комиссариаты. Однако по приказу местного начальника группу сотрудников академических учреждений вывезли к Новгороду опять же заниматься строительством рубежей. Местность, где нам пришлось работать, простреливалась, поэтому работали по ночам. Через несколько дней немцы и здесь прорвали оборону, и мы оказались в районе боев. Вывозили нас на военных машинах, сперва доставили в Новгород, а потом в Ленинград.

А через несколько дней группа сотрудников академических институтов, входившая в так называемый Василеостровский отряд, снова была послана на оборонные работы под тот же Новгород. Продержались там несколько дней. Прибывший вестовой сообщил нам, что немцы обошли этот участок и находятся уже далеко впереди. Пока судили-рядили, как выбраться, сюда стали стекаться отдельные красноармейцы с оружием. Решили идти ночью, не зажигая огня. Командиром выбрали меня, как старшего по званию (капитан запаса) и знавшего местность (моя семья многие годы летом отдыхала в этих краях, мы много ходили пешком по окрестным деревням). Шли гуськом в затылок друг за другом, стараясь не шуметь, не говорить, выбирали густые участки леса, костров не разжигали. Вышли к своим около Радофинникова. Там встретили сотрудниц нашего института, рывших противо-

танковые рвы. Мы отдали женщинам все свои теплые вещи, так как посчитали, что они нам больше не нужны, — тепло, мы едем в Ленинград, а им еще неизвестно, как долго предстоит работать.

А когда пришли на станцию, какой-то лейтенант, принявший на себя командование, объявил нас всех мобилизованными в армию, посадил в вагоны и направил в сторону фронта. Пытавшемся возразить против чинимого произвола К.К. Курдоеву (из Института востоковедения) пригрозил расстрелом на месте. Ночью вагоны подверглись жестокому обстрелу, все высыпали из вагонов и рассыпались по полю. Остаток ночи провели в канаве, плотно прижавшись друг к другу. Ночи были уже прохладные, а из одежды у нас остались одни майки да легкие рубашки. Утром мы увидели подъехавшие грузовики с красноармейцами. Командир приказал в каждую машину брать по нашему сотруднику, за исключением К.К. Курдоева, которого старательно искал, «чтобы расстрелять на месте». Бедного Курдоева бойцы спрятали себе под ноги на дно машины, чтобы не попался на глаза разгневанному начальнику. На этих машинах мы благополучно прибыли в Ленинград, где еще было тихо.

По приезде в Ленинград меня направили в отряд гражданской обороны, расположенный в Академии художеств. Там мы проходили военную подготовку. В случае необходимости, задачей отряда была оборона моста Лейтенанта Шмидта. Потом отряд расформировали.

После первых бомбежек многие семьи сотрудников остались без крова. Кабинет Африки отдали под жилье семье профессора Генко и его жене. Затем были оборудованы два бомбоубежища: одно в подвале восточного крыла Музея, другое — в подвале здания, выходящего на Таможенный переулок.

При объявлении воздушной тревоги дежурные немедленно отправлялись на свои посты — на крыши зданий Кунсткамеры и фондов Музея, находившихся в восточном крыле главного здания Академии наук. Каждый пост был снабжен противопожарным инвентарем, в том числе бочками с водой и песком. Дежурные надевали пожарные каски.

18 октября 1941 года в результате массированного налета Стрелка Васильевского острова оказалась буквально засыпанной зажигательными бомбами. Большинство зажигалок были благополучно погашены дежурными или сброшены вниз, где их «доканчивали» вышедшие на бережную наши сотрудники. Однако пожар начался на самой башне Кунсткамеры, там очевидно поста не было. Напомню, башня тогда оставалась недостроенной — верх ее представлял собой площадку. Я вместе с начальником поста В.В. Федоровым находился в это время на

крыше другого здания — фондов. Мы благополучно ликвидировали все зажигалки и уже собирались уходить, как вдруг я заметил в самом углу чердака, под узкой щелью крыши, огонь. Оказалось, одна зажигалка, пробив железо крыши, застряла в перекрытии, зажигательная смесь стала плавиться и вытекать. Возник пожар, потушить который удалось с большим трудом, ползком перелезая через балки и перекрытия, нося в пожарных касках то воду, то песок. Не успев отдышаться, заметили зарево пожара над башней Кунсткамеры. Бросились вниз на помощь. Пожар был потушен.

В конце октября было получено распоряжение перевести всех сотрудников мужчин на казарменное положение. Меня в списки не включили, так как я в то время лечил разбитую при тушении пожара ногу. Сотрудники Института, не находившиеся на казарменном положении, обязаны были один раз в неделю являться в дирекцию. Кроме того им вменялось в обязанность обходить квартиры не явившихся в срок и узнавать причины отсутствия.

Началось самое тяжелое время блокады. Люди стали умирать от голода.

Для сотрудников, находившихся на казарменном положении, были оборудованы в подвалах общежития. Однако постепенно в них стали перебираться и сотрудники, по тем или иным причинам не живущие в своих квартирах. В подвалах в полной темноте рядами стояли кровати, около некоторых мерцали ночники. Было холодно, водопровод и канализация не работали. Но, несмотря на все эти трудности, в перерыве от своих обязанностей многие занимались научной работой. Скажу о себе: вместе с С.А. Штернберг и С.В. Ивановым мы обсуждали проблемы редактирования курса Л.Я. Штернберга по общей этнографии и подготовке его к печати. К весне 1942 года, когда стало светлее, улучшилось продовольственное снабжение, начались заседания объединенного Научного совета. Так, 1 апреля 1942 года состоялось организационное собрание, 27 мая был мой доклад по общей этнографии (эпигамия), 3 июня — отчет Института этнографии, где мне также пришлось выступать. 12 июля в Институте археологии на Ученом совете под председательством В.И. Равдоникаса состоялся мой доклад о наскальных росписях в Сахаре.

В конце лета 1942 года поступило распоряжение об эвакуации оставшихся сотрудников Академии наук. В Институте осталась небольшая группа под руководством Р.И. Каплан-Ингеля, энергичного организатора, сумевшего сохранить Музей. Эвакуация сотрудников с семьями происходила в августе, ехали мы по железной дороге до

Ладожского озера, затем на катерах на Большую землю. В Ташкент прибыли только в ноябре. Вскоре получили известие о назначении директором Института С.П. Толстова.

В начале 1943 года С.П. Толстов прибыл в Ташкент знакомиться с сотрудниками, организовал несколько научных заседаний...

В феврале 1944 года я и М.В. Степанова получили командировки в Москву, где в то время С.П. Толстов создавал Московское отделение Института этнографии АН СССР. Из Москвы я был командирован в Ленинград в начале марта 1944 года. Поезд, на котором я ехал, был одним из первых, что шли тогда из Бологого. Поезд кружным путем добирался до Шлиссельбурга, где был наведен мост через Неву. Перед поездом была прицеплена тяжелая платформа, обеспечивавшая ему безопасность от взрыва мин. Такой взрыв произошел перед поворотом на Тихвин...

В мае 1944 года у меня была вторая командировка в Москву, а затем и в Ленинград, где я уже остался насовсем. Впечатления от увиденного попытаюсь выразить в сравнении.

Разница между мартом и июлем ощутительна: как будто два различных Ленинграда, причем второй Ленинград становится уже менее фронтным...

Март. У Московского вокзала сажусь в трамвай. Народу немного, в трамвае свободно, хотя вагонов в ходу не хватает и ждать приходится долго. В вагонах стекол мало, их заменяет фанера. Я нарочно просчитал, какой процент офанеренных и остекленных окон. В одном трамвае из 20 — 10 стекол, 10 фанер, в другом — 8 стекол, 12 фанер, в третьем — 14 стекол, 6 фанер, в четвертом — 4 стекла, 16 фанер. Причем на долю стекол остается мелкая расстекловка, все большие рамы (которые открываются), как правило, всегда фанерные. Поэтому вечером, в затемнении, трамвая не видно. Слабое мерцание притушенного фонаря снаружи позволяет различить его только на близком расстоянии. Внутри трамвая синий свет, отчего сидящие в нем люди кажутся мертвецами.

На улицах народу почти нет, особенно по вечерам. На Невском проспекте народу больше, на боковых улицах — единицы. Зараз видишь не более 2—3, ну человек 5 на такой улице, как Литейный проспект, а на меньших — лишь случайные прохожие. Поражают скелеты домов с пустыми глазницами окон. Есть и такие дома: внешне дом как дом, на невнимательного человека он не произведет никакого впечатления — стены целы, окна, правда, без стекол, но и без выбоин. Однако внутри нет потолочных перекрытий, стен, лестниц, разбиты цели-

ком или частично отдельные квартиры. Значит, здесь «поработали» снаряды.

Вот пример. Прихожу в дом О.Г. Зограф. На площадке две квартиры, направо ее квартира — налево открытая почему-то дверь. Оказывается, туда попал снаряд: уничтожены перекрытия, содрана штукатурка со стен, раздроблена мебель, книги, посуда — квартира необитаема...

А уж к лету 1944 г. города было не узнать. По Невскому муравьиным потоком движутся люди, идут по обеим сторонам, не вспоминая про надпись: «Граждане! Эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна!». Эти надписи вспоминаются теперь почти как мраморные доски с указанием высоты воды в 1824 году. Их смывают, к сожалению, а хорошо бы оставить свидетелей тех тяжелых времен...

Изменилась и Университетская набережная. Перед нашим Музеем были три землянки, два дота. Кроме того при входе на Дворцовый мост тоже дзоты. Землянки с месяцем назад засыпаны, а теперь и мостовую заложили камнями. Вход в Таможенный переулок освободили от проволочных заграждений, врытых в землю. В Главном здании Академии наук начинают разбирать замурованные окна. В нашем Музее кабинеты Африки и Сибири еще по-прежнему являют собой мощные доты.

Весной и летом начали появляться новые трамвайные вагоны, по новым маршрутам пущены отремонтированные. Они остеклены тонким, рубчатым, с браком стеклом. Сперва таких вагонов было мало, теперь с каждым днем становится все больше и больше. В трамвае давка и теснота, на подножках висят. Число маршрутов почти довоенное: перед Институтом № 5 и 12 (мост Биржевой не в порядке). Любопытно смотреть на трамвайные пути: на остановках, около стрелок, на перекрестках, всюду, где так или иначе сближаются трамвайные пути, — блестящие рельсы, тогда как на остальной части пути — темные. Это также результат обстрелов — развороченные рельсы заменялись новыми. На Невском такое увидишь на каждой остановке. Следы обстрелов выдают и более темные пятна на асфальте, обрывки болтающихся проводов, хотя, как правило, эти обрывки прикреплены к домам...

Хотя фронт продвинулся далеко, взрывы все еще слышны, — говорят, рвут мины на взморье. Мины — это сущее наказание, их бесконечно много, за городом ступить нельзя за пределы дороги. Много людей подорвалось на минах, неразорвавшихся снарядах и гранатах. Страдают и дети. В городе полно всякого пороха, гранат, патронов, и

мальчишки забавляются этим не без вреда. В мае прохожу я по двору соседнего дома, вдруг грохот, летят стекла, из окна пламя. Оказывается, дети раздобыли порох, сложили в кучу на лестнице и подожгли. Хорошо, что все обошлось благополучно, ребята отделались испугом и разбежались. А есть слухи похуже. На набережной Невы, за Мошковым переулком, мальчонка, где-то раздобыв противотанковую гранату, решил глушить рыбу. В результате у мальчика оторваны руки, нога. Очень много таких происшествий в пригородах...

Пригороды, окрестности... Вспоминаю путь по Октябрьской дороге: от Чудова до Ленинграда нет ни одной железнодорожной будки — все взорваны. Поповка — абсолютно голое место, парк — только щетка голых стволов. Все эти места перерыты линиями окопов и блиндажей. Поезд идет наперерез через них. Еще ужаснее вид пути вдоль Ладоги у Шлиссельбурга, Мги, где на десятки верст видишь только остатки леса — стволы, воронки и пни, пни, пни... Из воронки вдруг вылезает железнодорожник, помашет флажком и вновь ныряет вниз, в воронку...

Всего не перескажешь. Это вообще только наброски. Воспоминаний столько, что в пору написать книгу...

Приведу для примера, страничку из моего дневника...

1944 год

19.VI. Понедельник

С утра начал проводку телефонного кабеля по наружному фасаду здания Кунсткамеры. Первый день работаем с 9 ч. утра. С 12 — привезли дрова, две машины, — 12 м³.

Разгружали дрова человек восемь (почти исключительно женщины). К четырем—пяти [часам] окончили укладку в подвалы. Устали чрезвычайно. С Александрой Николаевной [Калдыкиной] вечером был даже сердечный припадок. Получил карточку сухого пайка НР. Был в кооперативе в первый раз.

20.VI. Вторник

Продолжал проводку телефона по наружной стене фасада Кунсткамеры. Провел до середины здания. Работа окончена к 2 часам, окончилась ввиду того, что весь моток — 220 м — израсходовал.

От вчерашней укладки и от непривычки работы с проводкой устал до того, что ничего дома не смог сделать. Уборка стоит уже третий день. Отоварил частично карточки — белый хлеб.

21.VI. Среда

От усталости ночь не спал. Сердце. Продолжал проводку кабеля. К часу провел 200 м, работа идет легче. Мотки не спутал, даже пропускаю их под водосточными трубами. Появился опыт. Вечером был

у Николая. Бежал, чтобы успеть к 12 ночи домой. За полчаса дошел до дому с чемоданом и динамиком от Октябрьского вокзала.

22.VI. Четверг

Дежурство. Предстоит включение света в ту часть здания, куда мы переходим на лето... Электротехник занят. Включение не состоялось. Сделал ввод телефонного провода в новую дежурку.

Из домашнего архива Д.А. Ольдерогге. На внутренней стороне твердой обложки книги П. Белинского «Пространство, время и движение» простым карандашом составлен «Список людей, которых надо было выводить из “мешка” близ Шимска в 1941 г. Всего 22 человека»

ФИН

1. Барашников, Ив[ан] Афан[асьевич] (болезнь неразборчиво).
2. Павлов Борис Влад[имирович], бронхит, восп[аление] горла.
3. Викторов Влад[имир] Фед[орович], почки, суставной ревматизм, босой.

4. Федоров Илья Антон[ович].

ИВАН

5. Башкиров Андрей Вас[ильевич].
6. Новичев Арон Давыдович.
7. Цевикиан Арен.
8. Якимов.
9. Муллакандов.

ИЭ

10. Лев Давид Нат[анович], туберкулез.
11. Петров Гр[игорий] Ив[анович], рука, легкие.
12. Ольдерогге Дм[итрий] Ал[ексеевич].
13. Шакуров Али.

ЗИН

14. Рубцов Ив[ан] Ант[онович], желудок.
15. Кожанчиков Игорь Вас[ильевич].
16. Манчацкий Александр Сам.

Другие

17. Игнатович Александр Мих.
18. Кириллов Конст[антин] Геор[гиевич].

Приморский — Газоаппарат

19. Гришин Матв[ей] Никит[ович].
20. Лебедев Фед. Ив[анович].
21. Нестеров Ник[олай] Ник[олаевич].
22. Холодов Александр Ив[анович].